

Автор посвящает этот роман памяти Ильяса Эфендиева

Рисунки Марины Медведевой

В ЕГО памяти возникло такое пробуждение, что воспоминания, связанные с этим видимым измерением, словно стали подгонять друг друга, и остановить этот бег ЕГО бестелесной и невесомой субстанции было не по силам.

Жажда полета навстречу силе, желающей унести, увлечь ЕГО, правили всеми ЕГО чувствами, но воспоминания препятствовали этому, и сменяющиеся в том видимом измерении эпизоды не признавали никаких границ: прошлое и будущее, близкое и далекое, родное и чуждое — слились воедино. И эти стремительно сменяющие друг друга эпизоды неслись, окутывая своими волнами ЕГО бестелесную и невесомую субстанцию.

Вот это Владимирский собор иконы Святой Анны в Санкт-Петербурге... Пожилой мужчина с проседью в курчавых, зачесанных набок волосах, одетый на европейский манер, с крестом на груди, зажигает свечу, крестится и молится.

И в том видимом измерении ОН сразу же узнал Шариф-бека — толмача Бакинского ханства.

Сколько времени прошло в том видимом измерении?

Этого ОН не знал, и это ЕГО совсем не интересовало, ибо не имело никакого значения, и ОН уже точно знал, что принявший православие и нареченный именем Михаил — Михаил Шариф-бек — профессор, заведующий кафедрой востоковедения Петербургского университета.

О чем молил Создателя Михаил Шариф-бек, крестясь и зажигая свечу, ОН знать не желал, ибо это ЕГО совершенно не интересовало.

И в этот миг ЕГО бестелесная и невесомая субстанция слышала полный ужаса, взволнованный крик толмача Шариф-бека: «Князь!.. Князь!..», доносящийся откуда-то из дальней дали и обращенный к НЕМУ, князю Цицианову, сползшему с коня и распластавшемуся на пустыре у Двойных крепостных ворот, но то полное страха смятение толмача совсем не сказывалось на ЕГО бестелесной и невесомой субстанции.

Те волнения в том видимом измерении для НЕГО уже стали совершенно бессмысленны, ужасающее смятение в крике толмача Шариф-бека растаяло, словно этот крик понемногу превратился в голос Бабуа Арчила...

Бабуа звал ЕГО привычным, как всегда ласковым голосом, но ласка в голосе Бабуа тоже не имела для НЕГО никакого смысла и значения...

9.

Сразу после дивана, проведенного 8 февраля 1806 года по христианскому и второго месяца шубат по мусульманскому летоисчислению в связи с убийством Наместника Цицианова, воодушевившие, принесшие вдохновение Гусейнкули-хану стихи — будто из колодца на Балаханской земле забила нефть — были следующими.

Итак, стихи Молла Панаха, визиря карабахского хана Ибрагим Халила, принявшего псевдоним Вагиф:

Я правду искал, но правды снова и снова нет:
Все подло, лживо и криво — на свете прямого нет.
Друзья говорят — в их речи правдивого слова нет,
Ни верного, ни родного, ни дорогого нет.
Брось на людей надежду — рещенья иного нет.

Все вместе и каждый порознь, нищий, царь и лакей —
Каждый из них несчастлив в земной юдоли своей:
Их всех сожрала повседневность, оторванность от
людей,
И сколько бы я ни слушал бесчисленных их речей —
В них, кроме лжи и неправды, смысла второго нет.

Странный порядок в силу у сильных мира вступил:
Чье бы печальное сердце ты ни развеселил, —
Оно тебе злом отплатит, отплатит по мере сил, —
Им неприятен всякий, кто доброе совершил...
На целом огромном свете мне друга родного нет.

Ученый и с ним невежда, учитель и ученик —
Снедаемы все страстями, в плену у страстей одних.
Истина всюду пала, грех повсюду проник,
Кто в мулл и шейхов поверит, тот ошибется в них.
Ни в одном человеке чувства святого нет.

Тот, кто дворец Джамшида в развалины превра-
тил, —
Тот веселье и счастье безжалостно поглотил.
Нет никого, кто в горе кровь свою не пролил, —
Сам я не раз жестокой судьбою испытан был.
Повсюду царство коварства — и царства другого нет.

Всякий чего-то ищет, погонею поглощен,
Ищут себе престолов, венцов, диадем, корон.
Шах округляет земли — за ними в погоне он.
Влюбленный бежит за тою, в которую он влюблен.
Ни радости нет на свете, ни прочного крова нет.

Ты на людей, как солнце, свой излучаешь свет, —
Помни, что слов признанья в радостной вести нет.
Честь, благородство, совесть давно уж утратил свет.
Услышали мы, что где-то честности найден след.
Я долго искал и знаю — чувства такого нет.

Алхимиками я сделал множество гончаров.
В золото обращал я прах забытых гробов.
Из щегля я делал яхонт, с камня срывал покров,
Я мог превращать в бриллианты бляхи на шеях ослов,
Признанья искал — но мир мне ответил сурово: нет!

Я мир такой отвергаю, он в горле стал поперек,
Он злу и добру достойного места не приберег.
В нем благородство тщетно: потворствует
подлым рок,

Щедрости нет у богатых — у щедрых пуст кошелек.
И ничего в нем, кроме насилия злого, — нет!

Я видел конец надежды, мечтаний конец пустой,
Конец богатства и славы с их земной суетой,
Конец увлечения женской невянущей красотой,
Конец и любви, и дружбы, и преданности святой.
Я знаю, что совершенства и счастья людского нет.

Потухли глаза, старею, жизнь черней и черней.
Сколько красавиц мимо прошло за тысячи дней!
Дурною была подруга — погублено счастье с ней!
Аллах, одари Вагифа милостью своей:
Ведь, кроме тебя, на свете друзей у больного нет.

Стихи Мирзы Мухаммеда Али, завоевавшего
титул царя поэтов при дворе Сефевидского прави-
теля второго шах-Аббаса и писавшего под псевдо-
нимом Саиб Табризи:

Лицо свое нежное спрятала ты от прохожих,
Увидел я кудри, печальны глаза отчего же?
Письмо ты мое покажи соловью вместо розы —
Ведь кровью омыто оно и на розу похоже.
К чему ты отшельнику дверь в дом любви отворила?
Рыдает павлин — ведь ворона его полюбила.
Влюбленная в розу душа в темной клетке отныне —
Любовью пылая, ту клетку душа осветила.

Страданьем и горем сердце мое не терзай,
В огне горит душа, в огонь щепки не бросай.
Веселье — наша жизнь. Ненастье гоним все мы
дружно.
Из клетки птицу выпусти — лететь ей в отчий
край.

Перевод Б. Лебедева, Л. Кацнельсона

Стихи шаха Исмаила, создавшего государство
Сефевидов, положившего основу династии Сефе-
видов, писавшего под псевдонимом Хатаи:

До сотворения мира началом начал был я,
Тем, кто камней драгоценных ярче сверкал, был я.

Алмаз превратил я в воду, она затопила мир.
Аллахом, который небо и землю зачал, был я.

Потом я стал человеком, но тайну свою хранил.
Тем, кто в сады Аллаха первый попал, был я.

Я восемнадцать тысяч миров обойти сумел.
Огнем, который под морем очаг согревал, был я.

С тех пор я узнал все тайны Аллаха, а он — мой.
Тем, кто истины светоч первым познал, был я.

Я, Хатаи безнадежный, истины свет постиг.
Тем, кто в неверном мире все отрицал, был я.

Перевод Г. Осанина

Стихи современника шаха Исмаила, прославленного не только в Карабахе, где он родился, не только в Азербайджане, но и во многих краях, вплоть до Анатолии — Ашуга Гурбани:

С низины тянется туман,
Кружит, вершину обвивая,
Все небо тучи обовьют —
Вокруг луны редее стая.

Несхожи участи людей:
Тот — нищий, этот — богатей.
Кружит по саду соловей,
Слезами землю орошая.
Держался долго ты в тени,
Дождался доли, Гурбани.
Настал и твой черед, взгляни —
Приспела чаша круговая.

Перевод В. Кафарова

* * *

...В том видимом измерении тысячи кладбищ — старые и новые — они были как бы продолжением друг друга, будто в этот миг то видимое измерение состояло только из кладбищ.

И в каком-то из них молился священник, в другом молла читал «Ясин» — поминальную суру из Корана, в третьем раввин произносил — «Эль мале рахамим», и все это казалось ЕМУ совершенно бесполезным.

В ЕГО бесплотной и невесомой субстанции рождено такое ощущение, что человек в том видимом измерении, выйдя из материнского чрева, по сути сам того не зная, не сознавая, невольно стремится лишь к смерти, так как только она, смерть, освобождает человека от бессмысленности этого видимого измерения — сменяющих друг друга воспоминаний и эпизодов, бессмысленной борьбы, желаний и грез, бессмысленного счастья

и бессмысленного несчастья, бессмысленной радости и бессмысленных мук.

Но если то, видимое измерение в такой степени состоит из бессмысленности, тогда почему ОН был в нем и отчего теперь ОН здесь — в идилии бесплотности и невесомости?

Отчего ЕГО не было и в то же время ОН был?

И его бесплотная и невесомая субстанция абсолютно не сомневалась, была совершенно убеждена, что и людей в тех сменяющих друг друга воспоминаниях и эпизодах ждет, когда пробьет час, подобная же бесплотность и невесомость.

...Но в чем смысл этого?

Отчего сначала ОН был там, а сейчас здесь (где)?..

10.

И в то февральское раннее утро 1806 года Гаджи Мухтар-бек, проснувшись на лай собак во дворе, тотчас, не производя шума, чтобы не разбудить спящую Хури Бегим-ханым, поднялся с постели: времена не лучшие — с одной стороны русская солдатня, с другой — иранские сарбазы, да и доморощенные враги не дремлют, — опасения вызвали чувство беспокойства даже у такого мужчины, как Гаджи Мухтар-бек.

И без того всегда осторожный, Гаджи взял одно из заряженных ружей, что постоянно держал в спальне, и хотел, как был в исподнем, выскочить на застекленную веранду второго этажа, но Хури Бегим-ханым спросонок проворчала:

— О господи!.. Что еще случилось?..

— Спи... — сказал Гаджи Мухтар и, когда вышел на веранду, увидел, что охранники и слуги уже столпились у ворот, спрашивая прибывших, кто такие и чего они желают.

— Гаджи дома?

Гаджи Мухтар-бек узнал по голосу Махмуд-бека и, торопливо распахнув створку окна веранды, прокричал:

— Открывайте! Эй, как вас там, открывайте ворота!

Псы во дворе, услышав голос Гаджи Мухтар-бека, тотчас прекратили лай, стали тихо поскуливать, а управляющий помещьем Гамдулла, поняв, что прибывшие в такую рань люди хозяину не чужие, крикнул слугам:

— Шевелитесь! Скорее! Скорее открывайте!

Слуги потянули толстый железный засов, распахнули настежь ворота поместья Гаджи Мухтар-бека.

Махмуд-беку прыгнул с коня, прошел во двор, поцеловал руку насмех одевшегося и спустившегося вниз встретить гостей Гаджи Мухтар-бека, затем они тепло обнялись, и Махмуд-бек с явным почтением и весьма доверительно принес извинение:

— Дядя, — так он обращался к Гаджи Мухтар-беку. — В такую рань разбудили тебя!..

— О чем ты, сынок? — И, увидев Молла Музаффара, все еще сидящего на коне, быстро подошел к нему: — Молла Музаффар! Добро пожаловать, уважаемый! Ты оказал нам честь! — сказал он, помогая гостю спешиться. Затем обратился к сопровождающим: — И вам всем добро пожаловать, слезайте с коней, проходите! — И, повернувшись к слугам, бросил: — Займитесь гостями! — что означало: следует отвести коней в конюшню, насыпать им сена, принести мыла и полотенца, чтоб гости умылись, развести огонь, зарезать барана, разжечь мангалы, тендиры¹...

В это время издали донеслись звуки азана — призыв с минарета к утренней молитве, и Молла Музаффару показалось, что они переполнили его душу, принеся с собой особую чистоту, Молла, повернув голову в сторону, откуда доносился азан, стал шевеля губами, шептать молитву.

Служанки, проснувшись на шум во дворе, зная, что если к Гаджи Мухтар-беку заявили гости, то, независимо от времени дня или ночи, следует приниматься за готовку, зажгли в своих комнатах на первом этаже привезенные из Баку заправленные нефтью светильники. Свет заставил собак прекратить поскуливание и устремить заблестевшие в холодной предрассветной темноте глаза на внезапно появившихся во дворе гостей.

— Наш путь на тот берег Аракса... Это поручение хана, дядя, — сказал Махмуд-бек. — Вечером, с наступлением темноты, пустимся в дорогу.

— До вечера времени еще много, — проговорил хозяин, — проходите в комнаты.

Гаджи Мухтар-бек, увидев меж всадников также Лал Кафароглу, которого видел несколько раз в Баку, во дворце Гусейнкули-хана, понял, что поездка, предпринятая гостями, совсем не проста. От острого взгляда хозяина не скрылось и то, что, прыгнув на землю, Махмуд-бек не выпустил из рук уздечку, а когда один из слуг подошел, чтоб отвести его коня в конюшню, Махмуд-бек, бросив тому: «Погоди!», сам отвязал притороченный к седлу небольшой мешок, взял его с собой.

Слуга удивился, что бек сам стал отвязывать мешок и взял его с собой, но, хорошо зная, что при

Мухтар-беке не стоит говорить лишнего — еще неизвестно, как отреагирует, — не сказал ни слова, просто взял коня Махмуд-бека за узду и отвел его в конец двора, в конюшню, как и других коней приезжих.

Махмуд-бек, Молла Музаффар и Лал Кафароглу в сопровождении хозяина поднялись в гостевую на втором этаже поместья, присели, устроив ноги под себя, на разложенные по краям ковра подушки с парчовыми наволочками.

Где бы ни встречал Махмуд-бек ковры Гаджи Мухтара, сразу узнавал их, и каждый раз узоры этих ковров, их краски рождали в его сердце волну радости, и эта радость словно являлась проблемом надежды в темном, невежественном, не понимающем его мире.

Более десяти тысяч голов породистых овец Гаджи Мухтара паслись на равнинах Мугани, и вытканые из шерсти этих овец в его цехах ковры знамениты не только в Азербайджане или Грузии, не только, как говорится, в Иране и Туране, но и во многих странах как ковры Гаджи Мухтара. Их можно встретить во дворцах ханов и шахов. Присланные славящимся щедростью Гаджи Мухтаром в дар и Махмуд-беку несколько ковров были красой его особняка в Баку и загородного в Шувелянах.

Гаджи Мухтара, человека известного и состоятельного, несколько покорило, что, войдя и усевшись в гостевой, Махмуд-бек положил рядом с собой мешок: если мешок полон золота и драгоценностей, держать его при себе — откровенное неуважение к хозяину.

Многие годы Гаджи Мухтар-бека связывали узы дружбы с покойным Шамиль-беком — отцом Махмуда, к тому же он, Гаджи Мухтар-бек, являлся кирве² самого Махмуда, и эта дружба испытана в опасные и вероломные времена. Добрые отношения связывали Гаджи Мухтар-бека и с самим Гусейнкули-ханом, и если на Ширване было два-три человека, на которых хан мог положиться, то это был и Гаджи Мухтар-бек.

То, как вопил трех-четырёхлетний Махмуд во время церемонии обрезания, увидев в руке специально приглашенного из Дагестана известного цирюльника Османа бритву, навсегда запомнилось Гаджи, хотя с тех пор прошло, вероятно, двадцать семь — двадцать восемь лет, — это вспоминалось всякий раз вдруг, неожиданно, даже в самые напряженные моменты,

² Кирве — близкий друг семьи, который держит мальчика на коленях во время церемонии обрезания и впоследствии считается почти родственником, даже в какой-то мере несущим ответственность за мальчика, его опекуном.

¹ Тендир — земляная печь.

и тогда Гаджи, не удержавшись, смеялся сам по себе, а находящиеся рядом толковали этот внезапный смех по-разному, делая для себя всевозможные выводы.

Для всадников Махмуд-бека накрыли в комнате на первом этаже, подали все, что и гостям на втором: сначала настоящий на шафране и лимонах шербет, затем зелень, масло, сыр, теплый лаваш, а чуть погодя кебаб из только что зарезанной овцы, запеченных в тендире кур, настоящий на чабреце айран¹. И Махмуд-бек, когда принесли шербет, медленными глотками отпивая его, сказал:

— Мы, дядя, едем встретиться с Баба-ханом...

Эта фраза основательно расстроила Гаджи Мухтар-бека: мешок, который держал при себе Махмуд-бек, несомненно, содержал ценности, что отправлял Гусейнкули-хан Фатали-шаху, и получалось, Махмуд опасается, что подарки могут быть украдены, причем где — в его, Гаджи Мухтара, поместье?!

Эта пришедшая на ум мысль повергла Мухтар-бека, умеющего обуздывать свои корыстные страсти, протягивать руку помощи бедным и сиротам во всем Ширванском ханстве, в дурное расположение духа. Но длилось это недолго: Махмуд-бек сообщил то, что не сообщил бы никому, но Гаджи Мухтар не был «никем», — и тайна злополучного мешка раскрылась.

— Дядя, — продолжил Махмуд-бек, — мы просим пригласить вашего медика Салахаддина, чтобы тот подготовил Голову к поездке. Еще неизвестно, когда доберемся до Тегерана. По дороге у нас намечена встреча и с Аббасом Мирзой. Конечно, время сейчас холодное, но на всякий случай лучше покрыть Голову воском, если поездка затянется, может попортиться...

Об убийстве Наместника Гаджи Мухтар прознал в ту же ночь, но то, что тому отрубят голову и отправят в дар Фатали-шаху, явилось неожиданностью. Впрочем, за все кошмарные годы — после неоднократных набегов Кубинского Фатали-хана при поддержке Шекинского Гусейн-хана на Ширванское ханство, наступления на все то же Ширванское ханство Карабахского Ибрагим Халил-хана, заключившего союз с ханом Ленкорани, нашествия войск Мухаммед-шаха Каджара на Карабах, не сумевшего, однако, с наскока одолеть Шушинскую крепость и после неудачи поворотившего армию на Грузию, превратившего Тифлис в груды камней и вторичным

походом на Карабах везьезшего, наконец, Шушу, но там же убитого в результате заговора, после захвата русскими гяурами сначала при царице Екатерине, а теперь под командованием Наместника Цицианова Гянджи, укротивших Карабах и Шеки, после их вступления в Ширван и сотен подобных событий последних десяти лет — пролилось столько крови, что убийства людей в этих краях стали почти обыденным делом. Но, несмотря на это, когда он новыми глазами глянул на мешок — сбоку от Махмуд-бека — у Гаджи Мухтар-бека волосы встали дыбом. Он содрогнулся. На руках Гаджи Мухтар-бека, чьи безбашенные, неуправляемые юношеские годы пришлись на тогдашний кипящий после убийства Надир-шаха котел, тоже было немало крови; и даже теперь, перевалив за шестьдесят, Гаджи Мухтар мог, как и прежде, вскочить и ловко спрыгнуть с коня, его кинжал как и прежде остер, а выпущенные им пули ложатся в цель. Да, содрогнулся: ему привиделось, что Голова из мешка глядит точно на него!

В этом его огромном поместье, всегда полном гостей и родственников — свидетеле множества напряженных ситуаций, нередко хранились набитые золотом и драгоценностями торбы, но впервые в мешке явилась Голова. Человеческая голова! И Гаджи Мухтару не понравилось, что, глянув на мешок, сам он содрогнулся, как женщина, и неожиданно для самого себя приказал:

— Открой!

Махмуд-бек принял пожелание кирве за ненависть к Наместнику, и, не сказав ни слова, развязал и опустил края мешка: поразительно, но голова князя Павла Дмитриевича Цицианова на круглом серебряном подносе и вправду глядела точно на Гаджи Мухтар-бека!

Голова отрезана ниже кадыка, поднос запятнан вытекшей и свернувшейся кровью, горло еще не было искривлено, веки приподняты. Правый глаз выкачен, будто хотел вырваться из орбиты, левый же, смежившись, казался меньше, губы слегка сдвинуты... И в эти мгновения Гаджи Мухтар-беку показалось, что Голова, прежде чем быть отрубленной, хотела что-то сказать, но не успела. Слова, которые она пыталась вымолвить, застряли кляпом во рту. Слегка тронутые сединой курчавые, черные волосы взъерошены, а длинные бакенбарды выцвели и омертвели, оттого казалось, что и волосы, и бакенбарды не принадлежали Голове, а появились позже.

Опустилась продолжительная тишина. Гаджи Мухтар, отведя глаза от Головы, спросил Молла Музаффара:

¹ Айран — разведенное в воде кислое молоко, прохладительный напиток.

— Как вы думаете, уважаемый, будет ли какая-нибудь польза от этого послания Баба-хану?

Молла Музаффар не видел Голову после того, как ее отрезали, и когда развязали мешок, этот человек, что всю жизнь, произнося молитвы, предал земле не один десяток усопших, вздрогнул, его сердце стремительно заколотилось, закрыв глаза, торопливо, словно за ним гнались, стал молить про себя: «Боже, прости меня! Боже, прости мои грехи!»

Вопрос Гаджи встряхнул Молла Музаффара, заставил очнуться, с явной печалью в голосе он проговорил:

— Гаджи, тысячи сожалений, но мы не нашли иного выхода...

В этот момент Молла Музаффару показалось, что на него снова нацелен чей-то взгляд, и Молла, внутренне вздрогнув, оглянулся по сторонам, даже вскинулся на потолок.

Гаджи Мухтар-бек все еще был под влиянием «дара», что везли Баба-хану, и, не обращая внимания на суету Молла Музаффара, еще какое-то время не отводил взгляда от Головы, затем сказал Махмуд-беку:

— Закрывай.

Уставшие после ночного перехода гости, в том числе Махмуд-бек с мешком в руке, закончив трапезу, поднялись и прошли каждый в отведенную ему комнату. Вернулся в свою опочивальню и Гаджи Мухтар.

Хури Бегим-ханым еще не поднялась с постели — уже который месяц боль в пояснице не давала житья этой женщине, кого только ни приглашал Гаджи Мухтар, чтобы пользовали супругу, начиная от врача Салахаддина, кончая костоправами и гадалками, не осталось в округе молл, что не писали ей спасительные молитвы, приглашали и известных целителей из соседних ханств, хотя рядом с Салахаддином они считали себя неучами, но боль в пояснице Хури Бегим-ханым не отпускала, больше того, усиливалась, особенно по утрам, до полудня она, как правило, пребывала в постели.

— Как там Махмуд-бек? — спросила Хури Бегим-ханым.

— Здоров, — коротко ответил Гаджи Мухтар.

— К добру ли его приезд?

— Конечно же, к добру. А как иначе?

— Какое у него к тебе дело?

— Тебя это не касается, спи.

Хури Бегим-ханым, не имевшая ни сил, ни желания вмешиваться в дела мужа в это непростое время, пробурчала:

— Разве удастся уснуть... — и добавила: — Они еще здесь?

— Удут вечером.

— Да? Надо через какое-то время встать, пойти поприветствовать их... Да разве я способна податься?.. Лучше бы Аллах отнял жизнь, чтоб кончились мои муки! А Салахаддин только и именуется врачом...

— Закрой, закрой глаза, уснешь...

— Да разве я могу уснуть!.. Если бы могла...

— Хури, — чуть повысив голос, сказал Гаджи Мухтар. — Спи!

Поразительно, но после приказного тона мужа — его голос будто проникал непосредственно в мозг Хури Бегим-ханым, облегчая ее страдания, что случилось и на сей раз, — она и вправду уснула.

Гаджи Мухтар-бек, совершив утренний намаз, как был, не раздеваясь, прилег в постель и, заложив руки за голову, закрыл глаза.

Кажется, в эти-то его годы, в душу Гаджи Мухтара решил проникнуть дьявол.

Почти вырывающийся из орбиты правый и уменьшившийся левый глаз Головы не отпускали Гаджи Мухтара. И он непроизвольно ощущал, что это видение обязательно должно уйти, исчезнуть, ибо оно втягивало, тасило и его к ужасному деянию. И Гаджи Мухтар-бек сознавал, каким может быть подобное деяние, оттого он и не хотел даже приближать к себе это желание, окончательно раскрыть, разоблачить себя, словно опасался чего-то и хотел отогнать, изгнать атакующую его сознание мысль.

И в это зимнее утро не отпускающая его опасливая, устрашающая мысль понемногу обращала страх в настоящую ненависть, и с этим чувством, разрывающим его душу, Гаджи Мухтар-бек понемногу начинал ненавидеть самого себя. Годы уходят, неизвестно, как обернется после него жизнь его большой семьи — сыновей, дочерей, внуков и правнуков, даже зятьев и невесток, кто защитит их в это смутное время от врагов Гаджи Мухтара? Уже нет никакого сомнения, что русские полностью овладеют Ширваном: Мустафа-хан, подписав договор, принял российское подданство, и еще вопрос, станут ли всегда русские уважительно относиться к Гаджи Мухтару и его многочисленной семье, не соблазнятся, не пожелают ли прибрать к рукам его отары, стада крупного рогатого скота, табуны, торговлю и ковро ткачество, не имеющее равных не только на Южном, но и в целом на всем Кавказе? Мустафа-хан принял российское подданство, и русские, вероятно, уже подсчитали, что у Гаджи имеется девяносто десятин земли, огромные пашни, — как и что будет со всем этим, когда русские установят свои законы

и правила. В том, что подобные изменения напутны, он тоже несколько не сомневался, — эти мысли часто посещали Гаджи Мухтара в последнее время, но никогда прежде они не были столь болезненны, и предельно ясно, что причиной, затягивающей Гаджи в омут ужасных дум, явилась та самая Голова.

— Лучше бы они ее сюда не привозили, — прошептал еле слышно Гаджи.

Хури Бегим-ханым, уснувшая недолгим сном, мгновенно очнулась, медленно открыла глаза, спросила:

— Что ты говоришь?

— Ничего. Спи...

Когда хозяин этой Головы еще готовился крупными силами к походу на Баку, ему было никак не обойти Ширван, и Цицианов, используя момент, отправил письмо, требуя от Мустафы-хана полного подчинения. Но хан тогда отверг ультиматум. Не придав этому значения, Наместник прежде двинул войска в сторону Ширвана, а Мустафа удалился в горы близ Лачина, решив какое-то время переждать, чем все это кончится. Но когда Наместник уже ступил на землю Ширвана, Мустафа-хан, оставшись в безвыходном положении, вернулся, принял российские требования, подписал соответствующие соглашения.

Когда ничего не опасавшийся Наместник, взяв с собой человек пять-шесть — перебить их было минутным делом, — прибыл в резиденцию Мустафы-хана на горе Фит, на этой встрече среди сановников был, как всегда, и Гаджи Мухтар-бек. И в то время, знакомясь с ним, Цицианов сказал:

— Я много слышан о вас. Для налаживания стабильности в Азербайджане мы нуждаемся в таких авторитетных беках, как вы. Надеюсь, это наше первое знакомство перейдет в будущую дружбу.

Внимательно слушавший переводчика Гаджи Мухтар сказал:

— Благодарю вас, господин Наместник, а вот о вас мы слышим постоянно... — эта реплика прозвучала двусмысленно, даже Мустафа-хан явно обеспокоенно посмотрел на Цицианова, затем на Гаджи.

А Наместник, глядя на Гаджи Мухтар-бека, выслушал перевод и, слегка улыбнувшись, но уже с явным подтекстом, сказал:

— Еще повидаемся...

Глядя на них, Мустафа-хан предпочел сменить разговор.

— Ваше сиятельство, вы, — сказал он, — поднимаетесь в эти горы, взяв с собой всего несколько

всадников, подвергая опасности свою драгоценную жизнь. — И, подняв руку, указал на пару орлов, присевших на обрывистую скалу. — Видите этих орлов? Эти горы — обитель орлов. Но наряду с орлами здесь немало и разбойников.

Наместник Цицианов — хозяин той самой Головы, что все это время держал в мешке рядом с собой Махмуд, — тогда отвел взгляд от Гаджи Мухтара, тоже глянул на пару орлов, присевших и словно наблюдавших за ними с обрывистой скалы, все так же улыбаясь, сказал:

— Хан, у императора Александра сотни таких, как я, солдат. Если я завершу свой жизненный путь, у его величества станет всего-навсего одним солдатом меньше. Это не повод для беспокойства!..

И тогда уже Гаджи Мухтар-беку показалось, что и в улыбке, и в словах Наместника таится некий тайный смысл, намек на что-то... Такие нынче времена: человек невольно ищет в каждой, даже вскользь брошенной фразе некое подспудное значение. И в перекидке словами с Наместником тоже было много чего, и все это стояло перед глазами Гаджи, улегшегося, не раздеваясь, в постель.

Прошло какое-то время, и по поручению Наместника полковник Корягин пригласил Гаджи Мухтар-бека на встречу. И то, что эта приватная встреча была поручена именно полковнику Корягину, содержало особый смысл: несколько недель назад Аббас Мирза крупными силами не смог справиться с небольшим отрядом Корягина, засевшим близ Худаферинского моста на Араксе, и эта виктория Корягина разнеслась повсюду, достигла даже Ширванского ханства. Наместник Цицианов поручил тайную встречу с Гаджи Мухтар-беком именно этому человеку, но Гаджи на встречу не поехал: о ней мог прознать Мустафа-хан; больше того, если бы разговор не сложился, то сами русские могли шепнуть хану об этой встрече — и тогда скрытое соперничество между Мустафой-ханом из Ханчобана и Гаджи Мухтар-беком, тоже из Ханчобана, перешло бы в откровенную вражду — а это было непозволительно. В нынешние, тяжелые для населения Ширвана времена он не желал сеять раскол в родной Ханчобанской округе. Гаджи ограничился тем, что отправил в дар Наместнику Цицианову два больших ковра, и эти ковры, по существу, стали своеобразными, но красноречивыми посланиями.

И вот новая встреча с Наместником.

Гусейнкули-хан отправлял Голову Фатали-шаху, как бы говоря: «Я — твой человек, я принимаю твою опеку, а ты — защити меня от русских», это-то предельно ясно. Но ни при каком раскладе хан бы не решился устраивать покушение на На-

местника: на это ему не хватало бы ни дерзости, ни ума, и Гаджи Мухтар-бек не сомневался, что убийство Цицианова — дело рук Махмуд-бека. Гаджи Мухтар был также совершенно убежден, что из-за этой Головы Фатали-шах не станет оказывать Гусейнкули-хану помощь. Даже если Аббас Мирза возьмет верх над русскими, Фатали подомнет под себя и Бакинское ханство, обратив его в провинцию своего государства, точно так, как он сделал это с азербайджанскими ханствами на южном берегу Аракса.

Но... однако... можно вернуть русским Голову... и за более высокую цену.

Эта мысль как бы исподволь пронзила Гаджи Мухтара в тот же миг, когда он увидел Голову, затем она вдруг внезапно явилась в обнаженной форме, так, будто была даже не мыслью, а только что родившимся дьяволенком. Мысль потрясла Гаджи Мухтар-бека, всем своим существом он пытался отогнать ее от себя, но это никак не складывалось — только что родившийся дьяволенок вцепился насмерть.

Преподнести Голову за высокую цену вовсе не означало: возьмите Голову, а мне вручите деньги. За высокой ценой стояло иное: я, Гаджи Мухтар-бек, отвожу от русского царя Александра стыд и позор самого факта преподнесения Головы в качестве дара Фатали-шаху — еще неизвестно, что совершат в Тегеране с этой Головой, какие игры, унижающие и оскорбляющие русских, затеют. А я, Гаджи Мухтар-бек, превратившись во врага Фатали-шаха и всей династии Каджаров, никогда не стану искать у них убежища, ибо это будет означать гибель мою и всей моей семьи, но отчего взамен этому мне не принять покровительство вашего могучего государства и не стать ханом Ширвана подобно Ибрагим Халил-хану в Карабахе? Недовольными этим из всего населения Ширвана могут быть лишь десять-пятнадцать кровников, но разве Гаджи Мухтару — хану Ширвана — не плевое дело раздавить их в кулаке и сбросить в Куру?

Отчего не быть такому?

Дербентский Шир Али-хан хотел видеть Гаджи Мухтара правителем Ширвана, об этом своем желании еще лет пять-шесть назад он проговорился нескольким своим приближенным, ибо Ширван — ворота в Дербентское ханство и им должен править крепкий, именитый человек, как Гаджи Мухтар-бек, способный защитить Ширван от набегов соседних ханств и в первую очередь от Карабахского ханства, чтобы никто не мог, одолев хана Гаджи Мухтара, напасть на Дербент. Желание Шир Али-хана дошло и до ушей Муста-

фы-хана — Кавказские горы величественны, но совершенно не умеют хранить тайн: слышанное хан сам пересказал Гаджи Мухтару, буравя его глазами.

Так или иначе, рано или поздно Ширванское ханство примет подданство российского царя, ибо ход истории — в продвижении Запада вперед и в податливости Востока. Чего достиг такой бесстрашный человек, как Джавад-хан? Гянджинское ханство, как ханство, стерто с лица земли, даже город Гянджа переименован, кто через сотню-другую лет вспомнит это название? Только ученые-летописцы напишут, что когда-то город звался иначе, хотя и Джавад-хан мог, подобно карабахскому Ибрагим Халил-хану, подчиниться русским, сохранить свое ханство, народ только выиграл бы от этого! Выиграл потому, что наука, просвещение тяготеют к Западу, это ясно, как Божий день, не видеть это — невежество.

Даже такой известный врач, как Салахаддин, уже не первый год пользуется Хури Бегим-ханым, но ничем не может помочь, а все потому, что ему не хватает образования, и если это понимали не все, то Мухтар-бек понимал отлично. Сегодня знахарством или хорошим знанием богословия вперед не шагнешь, погляди, вот Султан Селим — умный человек, направил свой взор на Запад, и если невежды не воспрепятствуют, несомненно, его реформы принесут османам огромную пользу. Народ должен быть просвещен, без просвещения судьба его незавидна — в этом Гаджи Мухтар тоже не сомневался, и при виде дисциплины, порядка, следования законам в русской армии мечта о таком просвещении росла в нем изо дня в день.

Что станет делать Мустафа-хан? Гаджи Мухтар-бек абсолютно уверен, что оставшийся между молотом и наковальней, потерявший доверие и Баба-хана, и русских, он, как бы ни юлил, ни искал обходные пути, в конце концов поймет, что продолжать так бесконечно не удастся. Разве Фатали-шах забудет, как Мустафа-хан, пытаясь противостоять Ага Мухаммед-шаху Каджару, просил помощи и у османов, и у русских? А разве русские простят ему, что, подписав с ними договор, он одновременно просит о помощи османов — врагов русских? Всему свой срок, и, оказавшись между двух огней — русских и Каджаров — ты должен выбрать один из них, чтобы хотя бы таким образом обрести, насколько возможно, для себя какую-то пользу, — и в этом Гаджи тоже не сомневался.

Ты должен уметь греться у очага одного из этих чудовищ — иное невозможно, — и на трон Ширвана должен заступить новый человек, при-



нять не на бумаге, а всем сердцем предложенную русскими автономию и, засучив рукава, навести порядок внутри ханства. У Гаджи Мухтара есть сила, энергия, решимость и авторитет, необходимые для подобного нового человека. И коль это так, отчего не захватить трон Ширванского ханства и не заняться просвещением, образованием, благосостоянием народа? Разве почет и уважение к Гаджи Мухтару от Сальян и всего Мугани — до округов Ховз, Элат, Гарасубасара, были меньшими, чем к Мустафе хану? — нет, напротив, в ханстве все — от мала до велика — знали, что Муртуза-бек, дед Гаджи Мухтара, был Наместником Надир-шаха в этой области, и если бы дед не казнил Гаджи Мамедали-хана Зарнави, из рода Аскер-бека, к которому принадлежит Мустафа-хан, тот не смог бы воссесть на троне Ширванского ханства.

Гаджи Мухтар-бек отправлял ковры в Стамбул, а из Стамбула эти ковры развозили по рынкам Англии и Франции, часть их пропадала, исчезала по

дороге, отчего же не посылать их самому в Петербург или Москву и уже оттуда в Европу?

Гаджи заерзал в постели.

Они оба — и Гаджи Мухтар-бек, и Мустафа хан — родом из Ханчобана, и когда дед Мустафы-хана Аскер-бек ввязался в борьбу против назначенного Надир-шахом его представителем на Ширване чужака — Гаджи Мамедали-хана Зарнави, руку помощи протянул ему именно Муртуза-бек. А теперь давайте отправимся в Ханчобан, поспрошаем людей, на чьей они стороне — Мустафы-хана или Гаджи Мухтар-бека? Гаджи Мухтар не сомневался, что если созвать съезд¹, подобный тому, что ровно семьдесят лет назад провел Надир, на нем ханом Ширвана был бы объявлен не Мустафа, а он — Гаджи Мухтар-бек. На том надировском съезде собрались самые уважаемые, авторитетные люди своего времени — ханы, беки,

¹ В 1736 году Надир созвал на Муганской равнине съезд, на котором объявил себя шахом.

духовенство, для них было сложено более десяти тысяч камышовых домиков. Так вот, в одном из этих домиков обосновался не Аскер-бек — дед Мустафы, а его, Гаджи Мухтара, дед — Муртуза-бек, — а Аскер-бека тогда даже близко туда не подпустили.

Если на самом деле существуют знаки судьбы, то именно эти знаки привели Голову в поместье Гаджи Мухтара, и разве можно упускать подобный шанс?

Так ли уж трудно взять и отвезти Голову русским?

Десять лет назад, летом 1796 года, после захвата Эриванского ханства Ага Мухаммед-шах Каджар именно на Мугани провел церемонию водружения на себя короны — Муганская земля любила сильных личностей, правда, не всякий хан Ширвана мог быть Надир-шахом или Мухаммед-шахом Каджаром, но что с того? — подобно любому рабу Божьему, каждый правитель должен протягивать ножки по одежке — Гаджи Мухтар в этом трудном, непредсказуемом, безумном мире сумел бы протянуть их по безупречной мерке.

Сопровождающие Махмуда всадники всю ночь провели в седле, сейчас спят мертвецким сном, перебить всех, по поручению Гаджи Мухтара, людям управляющего поместьем Гамдуллы — дело плевое, нескольких минут. А как же другие, например, Молла Музаффар? Ладно, Бог с ними, с другими, в том числе и с Моллой Музаффаром, а как же Махмуд?

Расправиться с Махмудом?

Разве мало примеров на свете, когда отец ради престола убивал сына, брат казнил брата? Гаджи Мухтар, ты ведь человек бывалый, что за сомнения, что за уловки?

В это время из глубины души Гаджи Мухтара вырвалось стенание:

— Проклятье дьяволу!

— Что случилось? — в полудреме, заныв от боли, спросила Хури Бегим-ханым.

— В мою душу проник дьявол!

— Что? — все также в полудреме спросила Хури Бегим-ханым.

— Клянусь Аллахом, в мою душу проник дьявол! — тихо прошептал Гаджи — так, будто говорил не супруге, а самому себе.

Гаджи Мухтар-бека на Ширване знали как человека предельно властного и строгого, он иногда позволял себе подшучивать лишь над женой, и на сей раз, приняв слова мужа за шутку, Хури Бегим-ханым сказала:

— Так гони, гони его взашей, чтоб убрался.

«Не могу прогнать!.. Не могу прогнать!..» — и эти слова Гаджи Мухтар проговорил про себя, его челюсть и руки дрожали. Конечно, можно позвать Гамдуллу, кинжал которого всегда висит на поясе, отправить его в комнату, где спит Махмуд, и все разом кончилось бы, все потрясения остались бы в прошлом, случившееся не вернуть, время зарубцует эту рану, как зарубцевало прежние.

И в этот миг Гаджи Мухтар-беку почудилось, что кто-то смотрит на него, он невольно глянул в сторону двери, но кто там мог быть, да и кто осмелится отворить дверь их супружеской спальни?

Но Гаджи Мухтар всем существом ощущал те взгляды, нет, это не был тот, навсегда запечатлевшийся, осевший в памяти взгляд вытщенной из мешка Головы. Это совсем иные, непостижимые, словно невидимые... взгляды.

Его спину прошиб пот — что это, неужели страх? Чего он опасался? Чего боялся? Каких-то неизвестных, проникших в сознание видений или собственных мыслей?

Все тело Гаджи Мухтар-бека была дрожь, казалось, он очутился в совершенно ином мире; это не было сном, но и не было всегдашней реальностью, явью, в этом мире сладостный соблазн слился с горчайшей горечью.

Гаджи Мухтар-бек весь в поту, и когда, закрыв веки, он стал вытирать рукой со лба пот, внезапно, будто это воспоминание принес, поднявшись с постели, сам Махмуд-бек, Гаджи вспомнил сидевшего у него на коленях малыша: увидев бритву в руке цирюльника Османа, он закричал, заметался, попытался вырваться, но Гаджи еще крепче привлек, прижал его к себе, а цирюльник Осман за секунду проделал свою работу.

И сейчас, в течение секунды все могло решиться.

И Гаджи Мухтар был готов даже прикрыть ладонью рот, чтобы не кликнуть, не позвать управляющего Гамдуллу, и сам того не ожидая, вскочил, сказав себе: — Да, не пойдет тебе впрок тот благословенный хадж¹, что ты совершил! — вскочил, направился к выходу.

Хури Бегим-ханым, все так же в полусне, не открывая глаз, спросила:

— Куда ты?

— В преисподнюю! — отрезал он, затем с уязвленной и горестной искренностью в голосе прошептал: — Скорее бы Аллах отправил меня самого туда! — И, перешагивая ступени, спустился во двор.

¹ Хадж — религиозное паломничество в Мекку — главную святыню ислама.



Управляющий Гамдулла давал прислуге распорядка. Внезапно увидев Гаджи Мухтар-бека, глянув ему в лицо, понял, что произошло нечто из ряда вон выходящее, но спросить не осмелился.

— Приведите коня! Епанчу! Папаху! — крикнул Гаджи Мухтар, слуги сбились с ног, выполняя приказы хозяина, и едва Гамдулла подвел Карагеца — рысака известной во всем Ширване карабахской породы — он, уже в епанче и меховой папаче — легко вскочил в седло.

— Бек, нам сопровождать вас?

— Прочь с дороги, сукин сын! — крикнул Гаджи Мухтар, огрев плетью управляющего, а затем и Карагеца, ускакал прочь.

Но вскоре повернул назад, подлетел к воротам, резко потянул коня за узду.

Карагез поднялся на дыбы, Гаджи Мухтар-бек крикнул Гамдулле, спина которого все еще горела от удара плетью:

— Найди этого врачевателя Салахаддина, позови от моего имени, пусть встретится с Махмуд-беком.

Вконец расстроенный Гамдулла, впервые почувствовавший на себе плеть Гаджи Мухтара, причем на глазах челяди, что уважительно называла его не иначе как «господином», не успел сказать ни слова, как Карагез снова рванулся, ускакал и вскоре исчез из виду вместе со своим седоком.

Солнце взошло, но после столь ясной ночи свод неба стал закрываться тучами.

В воздухе запахло снегом.

Карагез, словно почувствовав желание Гаджи Мухтар-бека любой ценой ускакать подальше, несся с той же стремительной страстью.

Гаджи Мухтар и сам не знал, куда он скачет в это морозное зимнее утро.

Его явно гнал дьявол, в седле Карагеца он пытался бежать от дьявола...

Проснувшись в полдень Махмуд-бек, Молла Музаффар и Лал Кафароглу пообедали вместе с сыновьями, зятьями Гаджи Мухтар-бека.

Никто не знал, куда внезапно, причем один, без сопровождения, уехал Гаджи Мухтар.

— Бек был не в себе, — оправдывался Гамдулла. — Я не смог ничего спросить.

— Наверное, получил какую-то весть, была какая-то важная причина, что дядя уехал второпях, никому не сказавшись, и нас не счел нужным, не решил будить, — предположил Махмуд-бек. — Лишь бы все было к добру!

— Дай тебе Бог! — вымолвил Молла Музаффар, проведя правой рукой по лицу, произнеся салават — молитву в честь Пророка.

Кое-как собравшись с силами, заставила себя подняться, пройти к гостям, поприветствовать их и Хури Бегим-ханым.

После той спокойной ночи днем пошел сильный снег, и Махмуд-бек, обеспокоенный внезапным отъездом Гаджи Мухтара, тем не менее, как только начало смеркаться, не стал дожидаться хозяина, вместе с Молла Музаффаром, Лал Кафароглу и сопровождающими их всадниками,

попрощавшись с членами семьи Гаджи Мухтара, снова пустился в путь.

Все обитатели дома Гаджи Мухтар-бека во главе с не находящей себе места от тягостного неведения Хури Бегим-ханым, даже как бы забывшей на время о своих хворях, ждали хоть какой-то весточки от Гаджи Мухтара. Тревога опустилась на огромное поместье. Сыновья, зятья Гаджи разослали во все концы гонцов, да и сами проехали по местам, где мог, по их мнению, оказаться Гаджи Мухтар, но в ту зимнюю, заснеженную ночь никто не знал, где же Гаджи Мухтар-бек...

...Почти превратившийся в снежный ком Гаджи Мухтар далеко за полночь вернулся в свое поместье и, не сказав никому ни слова, поднялся в спальню.

Хури Бегим-ханым сидела в ожидании мужа. Хорошо изучившая за сорок лет совместной жизни его характер, не стала ни о чем спрашивать, постанывая от боли в пояснице, заставила себя встать и лечь в постель. Гаджи Мухтар тоже не стал ничего объяснять, разделся, потушил светильник и тотчас завалился спать.

Продолжение следует.